

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

«Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая».

Слишком долго пришлось ждать этих слов. Слишком много положено человеческих жизней. Слишком большой урон человечеству был нанесен. Урон, который не восполнился и по сей день, и не восполнится никогда. А уже опять кто-то размахивает кулаками, кто-то играет мускулами; а кто-то трусливо «прячет голову в песок», думая, что чума пройдет мимо и их не коснется. Опять тьма начинает окутывать Землю.

История человечества полна бесконечных войн, кровопролития и насилия. Человек слишком часто забывает по чьему «образу и подобию» он сотворен. Замысел Творца - счастливая жизнь его созданий, а счастье одного не может быть построено на несчастье другого.

В этот день хорошо бы задуматься для чего мы пришли в этот мир, что сделали для того, чтобы этот мир стал лучше, чище, светлее. Не надо осчастливливать сразу весь мир - сделай добро тому, кто рядом. Еврейская мудрость гласит: «Даже свет грошовой свечи разгоняет тьму».

В этот день мы, прежде всего, отдаем дань памяти тех, кто положил свои жизни, отстаивая честь и достоинство Человека на фронтах этой великой битвы со злом.

Мы поминаем неисчислимые жертвы мирных жителей.

Мы поминаем сознательно уничтоженных в концлагерях, рвах, газовых камерах.

Мы помним о безмерных страданиях, причиненных миллионам и миллионам людей по всей земле.

Мы помним о тех, кто, жертвуя своей жизнью и жизнью своих близких, спасал евреев от готовящейся им участи на оккупированных фашистами территориях.

Мы благодарны всем, воевавшим с фашизмом: союзникам, участникам Сопrotивления, партизанам, подпольщикам.

Мы благодарны тем, кто с оружием в руках прошел этот страшный путь до Победы.

Мы благодарны тем, кто своим талантом, умом, трудом обеспечивал фронт всем необходимым.

Мы поздравляем наших ветеранов, поздравляем тех, кто воевал и в этот день с нами:

**МАГАРШАК РАИСУ ИОСИФОВНУ
ГЕНДЕЛЕВА ДАВИДА ЗАХАРОВИЧА
ИОФФЕ ГАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
КАУМАНА ЗАМАНА САМУИЛОВИЧА
РОЗЕНБЕРГА АНАТОЛИЯ ИСААКОВИЧА
ТУРНОВСКОГО ЛЕОНИДА ИСААКОВИЧА
ХЕНКИНА САВЕЛИЯ ХОНАНОВИЧА**

Здоровья, бодрости вам! Пусть будет теплым и уютным ваш дом!

Будем помнить для того, чтобы подобное не могло повториться, а не для того, чтобы: «Если завтра война»- Мы уже знаем, во что это обходится.

С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ!

**Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.**

Мало кто знает автора этого самого пронзительного стихотворения времен войны - оно ходило по фронтам в списках, как народное. А его автор - **Ион Лазаревич Деген** родился в Могилеве-Подольской в 1925 году. В июле 1941 года добровольцем ушел на фронт в истребительный батальон, состоящий из учеников девятых и десятых классов. Был ранен при выходе из окружения, но счастливому стечению обстоятельств избежал ампутации ноги. В 1942 года был зачислен в отделение разведки 42-го отдельного дивизиона бронепоездов, дислоцированного в Грузии, был ранен при выполнении разведзадания в тылу противника. В июне 1944 года назначен командиром танка. Является одним из советских танковых асов: за время участия в боевых действиях экипажем Иона Дегена уничтожено 12 немецких танков, много орудий, пулеметов, минометов и живой силы противника. Перенес ожоги и четыре ранения, в которых ему достались двадцать два осколка и пуля. Был дважды представлен к званию Героя Советского Союза, но не получил. После войны стал врачом-ортопедом, защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую. В 1977 году репатрировался в Израиль, где более двадцати лет продолжал работать врачом-ортопедом. Кроме медичности увлекался литературой. Автор книг «Из дома рабства», «Стихи из планшета», «Иммануил Великовский», «Портреты учителей», «Война никогда не кончается», «Голограммы», «Невыдуманные рассказы о неверном», «Четыре года», «Стихи», «Наследники Асклепия», рассказов и очерков в журналах *Израиль, России, Украины, Австралии, США и других странах*. В 2014 году стал лауреатом премии «Скрипач на крыше», присуждаемой ФЕОРом, в номинации «Человек-легенда».

Предлагаем Вашему вниманию один из рассказов Иона Дегена, с во много типичным сюжетом для евреев того периода, как и сама жизнь автора.

Цепочка

Ион Деген

Солнечный луч весело ворвался в спальню, отразился в перламутровой поверхности шестисторончатого шкафа во всю стену и коснулся лица спящей женщины. Она открыла глаза и улыбнулась. Точно так же двадцать шесть лет назад солнечный луч разбудил ее в комнате-клетушке университетского общежития. В то утро, в отличие от этого, она нигде не спешила. В пять часов начнется церемония вручения дипломов. Потом банкет. А потом - вся жизнь. Завтра на несколько дней она поедет к маме и вернется в Варшаву, чтобы приступить к работе врача в университетской клинике педиатрии. Вот только с жильем еще нет ясности. Но не было сомнений в том, что все устроится.

Вчера Адам пригласил ее в кино. Потом проводил до общежития. Они стояли у входа в красивое здание, отличный образец барокко. Фасад восстановленного здания не отличался от того, который был до взрыва бомбы. Немцкой? Советской? Кто знает? Сейчас фасад был точно таким, как до первого сентября 1939 года. Но внутри вместо просторных уютных квартир на всех трех этажах были комнатки-клетушки по обе стороны длинного коридора с туалетом и двумя душевыми кабинками в торце.

Адам в сотый раз предлагал Кристине жениться. Завтра они получат дипломы. Нет никаких препятствий для создания нормальной счастливой семьи. Кристине деликатно объяснял ему, что хотя бы в течение одного года, ну, хотя бы только одного года она обязана специализироваться по педиатрии. А специализация, которая по интенсивности даже превзойдет студенческие нагрузки, не совместима с семейной жизнью. К его огорчению она уже привыкла. Компенсировала это разрешением при расставании поцеловать ее в щеку.

В комнате она подумала об их отношениях. В чувствах Адама Кристина не сомневалась ни минуты. Он любил ее с первого курса. Да и ей Адам нравился. Видный, интеллигентный, горжущийся, образованный. Но, по существу, сельская девочка, воспитанная строгой католичкой, понимала, что никакой близости не может быть до тех пор, пока не выйдет из костела с единственным до самой смерти мужчиной. Кто знает? Может быть, Адам согласится подождать еще год?

День, который начался с того, что солнечный луч разбудил ее в комнатке общежития, мог стать одним из самых счастливых в жизни. Вручение дипломов было таким торжественным, таким праздничным, что пришлось сдерживать предательски подступающие слезы. Ее назвали в числе самых лучших студентов с первого курса до последнего экзамена. Не это ее растрогало. Она привыкла быть лучшей ученицей в школе. Там, правда, это почему-то оставляло ее одинокой, без подруг. В школе она вообще чувствовала себя неприкасаемой. В старших классах поняла значение косых взглядов одноклассников по поводу ее безотцовства. А в университете Кристина с первого курса осознавала себя лидером, в центре внимания парней, не обжигаемая ревностью девушек. Во время банкета к ней, разрываемой кавалерами, приглашавшими на танцы, подошел старенький профессор, заведующий кафедрой педиатрии, и сказал, что согласован вопрос о ее работе в руководимой им клинике. Адам, как обычно, проводил до общежития. Снова предложение. Снова те же возражения. Снова то же прощание с разрешенным поцелуем в щеку.

А дальше начался ужас. Он был еще невыносимей потому, что начался не на фоне будней, а после такого неповторимо, такого радостного дня.

На прикроватной тумбочке ждала телеграмма: «Умерла мама приезжай». Мама - Единственное родное существо. Никого, кроме мамы, у нее не было. Мамочка помнит себя, только она и мама. Красивая мама, несмотря на то, что лицо ее обезображено оспой, такой редкой в Польше. Мама, с которой она прожила на крошечном хуторке у опушки леса всего в нескольких километрах от Варшавы всю жизнь от рождения до поступления в университет. Жалкий домок. Маленький огород, Коза и несколько кур. Когда Кристина пошла в школу, мама начала работать санитаркой в ближайшей больнице. В ближайшей! Девять километров туда и девять километров обратно после суточного дежурства. В слезы и в снег, в жару и в стужу. Мама. Она никогда ни на что не жаловалась. Никогда не болела. И вдруг «Умерла мама приезжай». Понятно, что телеграмму послала мамина подруга, Зося, живущая почти в таком же хуторке метрах в трехстах от них. Что же случилось? Еще неделю назад письмо от мамы. И никаких жалоб. Никакой тревоги.

Кристина подсчитала деньги. Хватит ли на такси? Она вышла из общежития в июньскую ночь и меньше чем через час оказалась в пустом доме. Утром у Зоси узнала, что мама накануне умерла в больнице от рака поджелудочной железы. Узнала у Зоси, что мама почти в течение месяца страдала от невыносимых болей, но не хотела потревожить дочку, не хотела, чтобы дочка ради нее отвлеклась от таких важных государственных экзаменов.

После незаметных похорон, - она, Зося, несколько сотрудников больницы, незнакомая супружеская пара из ближайшего села, - после скромнейших поминал Зося осталась с ней, и долго колебаясь и не решаясь, в конце концов, спросила:

- Крыстья, Ванда тебе ничего не говорила о твоём рождении?
- Нет. Ты имеешь в виду об отце?

- Ну, об отце ты, наверно, знаешь, что Ванду изнасиловал не то немецкий солдат, не то кто-то из Армии Крайовой. Так знай. Никто Ванду не насиловал. Не было у нее никогда никакого мужчины. - Зося умолкла, задумалась.

- Ты знаешь, где у Ванды хранятся документы и там всякое? Посмотри.

Кристина, до которой медленно доходил смысл сказанного, подняла тощий матрас вандыной постели. Небольшой пакет в плотной коричневой бумаге. Маленькая картонная коробочка. В таких обычно лекарственные таблетки. Пакет этот Кристина видела. Знала о его содержимом. Коробочку увидела впервые. Она положила ее на стол. Открыла. Небольшая изящная тонкая золотая цепочка с удивительно красивым маленьким кулоном в виде раскрытой кисти руки. На ней две возможные какие-то буквы непонятного алфавита, а между ними не то чуть удлинённая точка, не то запятая. Иероглифы эти - микроскопические алмазы, впрессованные в ладонь. Зося взяла цепочку и сказала:

- Вот эта цепочка была на тебе, когда Ванда на рассвете того майского дня нашла тебя.

Кристина, еще не пришедшая в себя после похорон, почувствовала, что теряет сознание. Зося обняла ее голову и приложила ко рту чашку с холодной водой. Села рядом с Кристиной и подвинула к ней коробочку с цепочкой. Долгое молчание воцарилось в убогом жилище.

- Ну? - спросила Кристина.

- Что ну? Ночью была стрельба рядом с нами. К отдаленной стрельбе в Варшаве в течение почти месяца мы уже привыкли. А тут у нас под носом. Утром было все тихо. Я пришла к Ванде в тот момент, когда она купала тебя. Каким же красивым младенцем ты была! Ангелочек. Месяца полтора-два. И на шее твоей была эта самая цепочка. А кулон доставал чуть ли не до пупа. С детства у нас с Вандой не было тайн. Ванда показала мне каракулевую шубу, в которой она тебя нашла почти у самого дома. Шубе не было бы цены, если бы она не была вся в грязи. Боже мой! Грязи на ней было больше, чем шубы. Ванда потом ее постепенно отстирала. Шубе действительно не было цены. Продать ее не без труда удалось уже через два года, уже после войны. А еще в кормане шубы было несколько дорогих колец. Одно из них и мне спасло жизнь от голода чуть ли не перед самым приходом советов. Ну, и Ванде с тобой - Да. Днем стало известно, что из гетто по канализации вышло несколько жидов. Вроде бы их проводили до Кабачкогo леса. Ну, тут их застали не то немцы, не то наши, не то украинцы из СС. Уже в лесу за моим домом нашли убитую жидовку. Говорили, очень красивую. Возможно, это именно она подкинула тебя около вандыной хаты.

Солнце уже залило всю спальню. Зазвонил будильник. Она завела его в половине третьего, когда телефон разбудил мужа. Второго профессора, заместителя заведующего отделением срочно вызвали в больницу. Дежурная бригада хирургов беспомощно застрляла посреди сложной операции. Муж выехал. По привычке, зная, что долго не уснет, чтобы не опоздать на работу, завела будильник. Действительно, уснула, когда начало светать.

Сейчас, стоя под почти холодным душем, она вспоминала свое возвращение в Варшаву, любимую работу в клинике, поиски неизвестно чего неизвестно где. У нее не было сомнения в том, что убитая красивая жидовка, которую нашли в лесу, ее биологическая мама. Жидовка - следовательно, и она жидовка. Что это значит? Кто такие жида? Кто значит гетто? Где оно? В десятках путеводителей по Варшаве, в которых описывались даже какие-то малозначачие, за уши притянутые дома, о гетто не было ни слова.

Она искала жидов. Говорили, что их почти нет в Варшаве. Говорили, что считанные польские жида покидают Польшу и уезжают в Израиль. Говорили, что в Варшаве функционирует синагога. Не без труда она даже нашла ее. Несколько раз приходила, но почему-то всегда наталкалась на закрытую дверь. Наконец ей повезло. Дверь была открыта. В просторном сумраке она нашла двух старых жидов. Покказала им цепочку. Да, это еврейские буквы. Аин, йод и хетт. Но у стариков нет ни малейшего представления, что они значат. Кристина рассказала им о себе. Они долго думали, переговаривались между собой. Затем один из них сказал:

- Мы думаем, что пани следовало бы обратиться к Любавичскому раби. Он просто пророк. К тому же, он очень образованный человек. Возможно, он ухватится за конец цепочки.

Предложение Кристине показалось заманчивым. Но, узнав, что этот самый раби не житель Варшавы, ни даже Польши, она постаралась забыть о совете.

К этому времени, как ей показалось, у нее уже окончательно определилось отношение к Адаму. Через три дня после получения диплома, не воспользовавшись отпуском, он уехал в Щецин, где ему нашлась должность хирурга. Письма он присылал чуть ли не ежедневно. Следует отдать ему должное, письма были интересными и содержательными. Кристина не представляла себе, что он обладает таким эпистолярным талантом. Следует ли говорить о том, что каждая страница светилась любовью. Кристина, отвечавшая нерегулярно, уже собиралась описать свое новое состояние, чтобы не было между ними недомолвок и неопределенности.

пределенности. Но, прочитав трилогию Фейхтвангера, она написала ему о впечатлении, оставленном этими книгами, о том, с каким пиететом сейчас относятся к истории евреев, этого древнего, необычного народа. Ответ Адама ее не просто огорчил. Еще до смерти мамы, еще не имея представления о том, что узнала потом, всегда испытывала явное отвращение к любому проявлению ксенофобии. А тут письмо отъявленного антисемита, утверждавшего, что еврей Фейхтвангер не мог объективно и честно написать о своем чудовищно подлом народе, который многие народы не напрасно истребляли в течение многих веков. Безответные письма Адама приходили еще примерно два месяца. Сперва, читая эти письма, она испытывала некоторую вину, некоторое огорчение, вызванное потерей. Потом задала себе вопрос: любила ли она Адама? Собственно говоря, что оно такое - любовь? Какой у нее вкус, какой запах, какой цвет? С чем ее сравнить, если у нее нет точки отсчета?

В конце ноября произошло чудо. В медицинской школе Гарвардского университета на конференции по теме, которой занималась кафедра педиатрии Варшавского университета, профессор должен был прочитать свой доклад. Но старик опасался полета в Америку. Один из доцентов болел. Второй торопился окончить диссертацию, чтобы, не дай Бог, не упустить возможности занять место профессора. К талантливой Кристине, к начинающему врачу, с таким пониманием вникшей в тему, старик испытывал отцовские чувства. Поэтому именно ей он предложил в Гарварде прочитать его доклад. Кристине восприняла это как знак свыше.

В Бостон она летела через Нью-Йорк. На обратном пути, остановившись в Нью-Йорке, приехала в Бруклин, и, отстояв в очереди несколько часов, попала к Любавичскому раби.

В самолете, возвращаясь в Варшаву, она не переставала удивляться состоянию во время этого визита, удивительной душевной легкости, желанию раскрыться до основания, терпению этого старого мудрого человека, рассматривавшего цепочку. Его польский язык был совершенным - богатым и красивым. Но не это главное. Казалось, речь струится не изо рта между усами и бородой, а из глаз, добрых, всепроникающих. Что это было, гипноз? Нет, нет, определенно не гипноз! И все-таки что-то необъяснимое, трансцендентальное. Он рассказал, что три буквы - это аббревиатура фразы ам Исраэль хай, народ Израиля жив. Ей не хотелось уходить. Но он деликатно намекнул на очередь, которую и она отстояла, подарил ей доллар и сказал:

- Нет ни малейшего сомнения в том, что вы еврейка. В этом определении нет ничего мистического. Но мне очевидно и то, что ваше место в Израиле. При первой же возможности уезжайте туда.

Вечером в гостиницу неожиданно позвонил представитель еврейского агентства. Долго говорил с ней по-польски. Спросил адрес в Варшаве. Пообещал, что там с ней свяжется их представитель.

События покатались с невероятной быстротой. Кристине узнала, что жалкие остатки польских евреев, гонимые антисемитизмом, покидают страну. А летом 1968 года и она уже была в Израиле.

Симпатичная квартирка в центре абсорбции в Иерусалиме. Курсы иврита. Начало работы в больнице, чтобы подтвердить свою врачебную профессию и войти в курс израильской медицины. Не обошлось без трудностей. И бюрократических. И материальных. Но обошлось. Уже не Кристине, а Лея желанная гостя на вечеринках у израильтян. А главное - тот незабываемый вечер, который определить можно только одним словом - чудо. Вот он доллар Любавичского раби!

Милая коллега-собра, ставшая доброй проводницей в ее новой жизни, пригласила Лею на ужин. За столом собралось человек пятнадцать. Напротив оказался мужчина лет тридцати, или чуть меньше. Что это было? Лея не могла объяснить. Просто оказалось, что любовь не абстрактное понятие. Пусть нет у нее ни вкуса, ни запаха, ни цвета. Оказывается, почувствовать ее можно мгновенно. Лея понятия не имела об этом человеке, но впервые в жизни ощутила, что это именно тот мужчина, за которым она, ни о чем не размышляя, ничему не сопротивляясь, может пойти на край света. Несколько секунд, или минут они смотрели друг на друга. Он встал и, слегка прихрамывая, подошел к ее соседу, улыбаясь, поднял его и сел рядом с ней. Представился: Гиора, студент второго курса медицинского факультета, инвалид Армии Обороны Израиля, бывший военный летчик. На своем бедном иврите она ответила, что около полугода назад репатрировалась из Польши и работает врачом. Ни он ни она не спросили друг друга о семейном положении. Он встал, взял ее руку. Она немедленно поднялась. Они ушли, даже не попрощавшись с хозяйкой. У подъезда он усадил ее в автомобиль и повез к себе.

Она отлично помнит его квартиру в новом районе Иерусалима, ее первое постоянное жилище в новой стране. Свет, воидя, он не зажег. Большой салон скудно освещался уличными фонарями. На полголы выше Леи, он нежно обнимал и целовал ее. Нет, не в щеку. Она неумело, но страстно впиалась в его губы. Она не представляла себе, что это может доставить такую радость, такое удовольствие. Он еще не знал, что она девственница. Но каким-то необъяснимым образом понимал, что должен относиться к этой женщине, к этому чуду, как ювелир относится к невероятно драгоценному камню. А дальше его удивлению не было предела. Ей двадцать пять лет! Красавица! Такая страстная! И девственница! Непонятно. А дальше это был фантастический слав нежности и просто неистовой страсти. Кажется, в течение ночи они не уснули ни разу. В какой-то момент совершенно обессиленная, выжата, как лимон, она лежала, положив голову на его широкую волосатую грудь, и подумала: как мудр Любавичский раби. Только для этого ни с чем не сравнимого удовольствия, для этой неопишуемой радости она должна была приехать в Израиль. А потом весь день субботы не отличался от ночи. А потом была ночь на воскресенье, и утро, когда следовало с небес спуститься на землю и пойти на работу. Нет, этот слух был невозможен.

Гиора позвонил хозяйке дома, в котором увидел Лею, дорогую Лею, драгоценную Лею, и сказал, что Лея слегка нездорова и не может поехать в больницу. Попечительница-коллега Леи рассмеялась:

- Все в порядке. Наслаждайтесь друг другом.

И они наслаждались. Лея не помнит, что они ели в течение двух дней, и ели ли вообще. И нужно ли было есть, и терять на это драгоценное время.

Свадьбу сыграли ровно через месяц. Это было нечто грандиозное. Казалось, на свадьбе присутствовала вся военная авиация Израиля, и вся больни-

ца, и весь медицинский факультет Иерусалимского университета, и половина университета Бар-Илана, в котором отец Гиоры, профессор в черной кипе, преподавал биологию. Кстати, Гиора тоже носил кипу, но вязаную. Надо ли упоминать, что Лея стала хозяйкой кошерного еврейского дома? Ровно через год родился сын. Сейчас Авраам летчик, капитан Армии Обороны Израиля. А еще через три года, как раз в тот день, когда Гиора получил диплом врача, родился Рахель. Господи! Какой это был красивый младенец! Авраам был обычным новорожденным, нормальным, а такого красивого младенца педиатр еще не видела. Лея подумала, не так ли выглядела я, когда меня нашла мама? Не это ли имела в виду Зося, рассказывая о том, как мама купала ее? В тот же день она надела на девочку ту самую цепочку. Два года Рахель отслужила в армии. А сегодня у студентки первого курса медицинского факультета Иерусалимского университета очередная экзамен.

Это был обычный рабочий день. Больница уже давно размещалась в новом огромном здании. Лея осматривала очередного ребенка, когда в палату ворвалась сестра и сказала, что только что террорист-самоубийца взорвал автобус. Много убитых. Кареты скорой помощи доставляют в больницу раненых. А через несколько минут ее вызвали в приемный покой. У входа творилось нечто невероятное. Еще привозили раненых. Начали появляться родственники. Обычная картина дня террора, к ужасу которой нельзя привыкнуть.

У входа Лея наткнулась на старика в черной шляпе и в черной одежде хасида. В такую жару! К этому она уже привыкла. Старик преградил Лею дорогу:

- Доктор, как моя внученька, моя родная внученька, как она?
- Сейчас посмотрю. - Раздвинул двери, и она скрылась в приемном покое. Появилась она минут через десять. На ней не было лица. Старик понял это по своему и тоже чуть не потерял сознание.

- Жива?

Лея, на лице которой не было кровинки, выдала из себя:

- Жива, жива. Ничего опасного. Даже не контузия, а травматический шок. Думаю, вечером сможете забрать ее домой.

- Доктор, так в чем же дело? Что с вами?

- Цепочка...

- Что цепочка?

- Откуда у нее такая цепочка?

- Как откуда? Я сделала две такие цепочки. Абсолютно одинаковые. Хотя мне еще не было тридцати лет, я уже был в Варшаве знаменитым ювелиром. И не только в Варшаве. Может быть, потому, что я был таким ювелиром и немцы нуждались во мне, мы и просуществовали, когда в гетто проводились сплошные акции, просуществовали почти три с половиной года. Мы с моей дорогой Двойрой любили друг друга еще будучи малыми детьми. А поженились мы уже в гетто. Доктор, вам плохо? Давайте сядем. Я вам принесу воды.

- Спасибо. Не нужно воды. Сядем.

- В декабре 1941 года у нас родилась Сареле. И я сделал для нее цепочку, которую вы увидели. А первого марта 1943 года у нас родилась Блюмеле. И я сделал еще одну точно такую цепочку. А потом началось восстание. И я не знаю, что вы знаете об этом восстании. Но сейчас о нем говорят очень много неправды. Основная военная сила евреев была у нас, у ревизионистов. Именно мы наносили нацистам самые большие потери. А коммунисты были против социалистов, а бундовцы были против коммунистов, а все они были против ортодоксов. И вообще все были против всех, вместо того, чтобы всем вместе быть против немцев. Шестнадцатой мая несколько евреев по канализации мы выбрались из гетто. У меня на руках была Сареле, а у Двойры - Блюмеле. Вы представляете себе, май месяц, канализация, а на Двойреле ее дорога каркавулевая шуба. Она ни за что не хотела ее оставить. В кармане шубы были некоторые драгоценности. Но большинство было у меня вместе с инструментами. Эта канализация! Что вам говорить? Только это, только поход в дерьме по самому поясу, а иногда и выше, когда нечем дышать, может искупить все самые страшные грехи, в течение жизни совершенные самым плохим человеком. Как мы дошли до выхода? Это просто невероятно. А Двойреле в своей шубе.

Лея заплакала. Старик посмотрел на нее:

- Доктор, может быть хватит слушать глупого старика?

- Продолжай, отец, продолжай.

Старик с непониманием посмотрел на врача. Может быть, расчувствовавшись, она так назвала старого человека? Бывает.

- На выходе нас ждали поляки. Они должны были проводить нас до Кабацкого леса. На опушке нас обстреляли. Когда мы уже были в лесу... Старик заплакал. - Ни Двойреле, ни Блюмеле. Потом поляки, когда я служил у них в Армии Крайовой, сказали, что Двойреле убили. А о Блюмеле ничего не сказали. Я был нужен полякам. Ведь я не только хороший ювелир, но еще отличный гравер. Поэтому они берегли такого еврея. Как раньше немцы в гетто. Я приехал с Сареле в Палестину в 1946 году. Как мы страдали! Хуже, чем гетто. Англичане нас выбросили на Кипр в концентрационный лагерь. Когда возникло государство Израиль, мы приехали в Иерусалим. Я так и остался один. Я очень любил Двойреле. Для меня не могло быть другой жены, хотя я религиозный еврей и должен был выполнить завет, должен был жениться. Сареле выросла, вышла замуж за очень хорошего человека. Сейчас он полковник в запасе. Бригадного генерала ему не дали. Может быть потому, что он носит черную кипу. Не знаю. У них четверо замечательных сыновей, моих дорогих внуков. А они так мечтали о дочке. И Господь услышал их просьбу. В сорок один год она родила мне внучку, которую вы увидели. А о Блюмеле так ничего и не известно.

Лея обняла совершенно обалдевшего старика. Целовала его, наткываясь на седую бороду. Плакала.

- Отец, дорогой мой отец, я расскажу тебе о Блюмеле. Я Блюмеле. Только до смерти моей дорогой польской мамы я не знала, что я Блюмеле. Я знала, что я Кристине. А когда репатрировалась в Израиль, стала Леей. Сегодня, когда твоя внучка, моя дочка Рахель придет из университета, ты увидишь вторую цепочку.

поставку Тегерану зенитно-ракетных комплексов С-300... Есть над чем задуматься.

На старом еврейском кладбище в Петрозаводске состоялась традиционная траурная церемония памяти жертв ШОА. Были зажжены свечи Памяти, прочитана молитва, мотроном отсчитал минуту молчания... Минута, чтобы подумать что произошло; минута, чтобы попытаться понять почему это могло произойти; минута, чтобы оценить, возможно ли повторение трагедии... В этот день в Иране проводится конкурс карикатур на тему Холокоста; Россия сняла запрет на

***

«Даты еврейского календаря» (Апрель 2015 - Нисан - Ияр 5775) - это тема дружественной встречи в офисе еврейской общины с представителями национальных объединений Карелии: армянского, татарского, греческого, эстонского, вайнахского, украинского, марийского. После осмотра помещения, знакомства с богатой библиотекой и ритуальными принадлежностями, выставленными в специальной витрине, присутствующим рассказали о смысле и традициях праздника Песах, был показан видеофильм об Исходе - важнейшем событии в истории еврейского народа, оказавшем влияние на всю дальнейшую историю человечества. За столом продемонстрировали ритуал Седера, с объяснением его символики, и все смогли угоститься мацей. Затем состоялся разговор о ШОА, Праведниках народов мира, Резолюции ООН по Холокосту и ее соблюдению (или несоблюдению) странами-членами ООН. И, наконец, День Независимости Государства Израиль, с кратким обзором событий, предшествующих принятию Декларации Независимости. Гости приготовили свои национальные подарки, с благодарностью принятые еврейской общиной. Встреча прошла в теплой домашней обстановке и продемонстрировала простую истину - именно так, общаясь, глядя в глаза друг другу, получая искренние ответы на возникающие вопросы, рассеиваются недоверие и предрассудки, и возникают взаимопонимание и нормальные дружеские отношения между людьми, которых уже не стравят никакие политики.

***

Яркий, красочный концерт танцевального ансамбля еврейской общины «Авив», в ознаменовании наступающего десятилетия Региональной еврейской национально-культурной автономии Республики Карелия, прошел в Большом зале Карельской государственной филармонии. Зал, рассчитанный на 480 мест, был полон. Министр Республики Карелия по делам национальной политики Андрей Манин тепло поздравил Еврейскую национально-культурную автономию с наступающим десятилетием со дня ее создания, отметив заметный вклад организации в дело укрепления толерантности в республике и большую просветительскую работу среди молодежи. И как иллюстрация к словам министра - концерт, в котором выступили: ансамбль казачьего танца «Цвет калины» (руководитель Алена Фисенко); ансамбль арабского танца «Ассалам» (руководитель Татьяна Дубровина); фольклорный ансамбль литовской национально-культурной автономии «Раса» (руководитель Зинаида Васильева); армянский хореографический ансамбль «Наири» (руководитель Мери Варданян) - такого соцветия национальных танцев зал филармонии еще не видел. Но, конечно, главным было выступление танцевальных ансамблей «Авив» и детского - «Дрейдл», основателем, душой, вдохновителем, «мотором» которых является Наталья Гуль. Это ее идеями и энтузиазмом уже на протяжении пятнадцати лет живет ансамбль «Авив». Трудно было предположить, что ансамбль, создаваемый для пожилых людей благотворительного фонда «Хэсэд Агамим», помолодеет и превратится в жизнеспособный творческий коллектив, выступающий не только в родном городе, но и на гастролях, выезжавший в Израиль, заслуживший множество наград, горячо любимый зрителем. Органично в канву концерта вписались выступления солистки Натальи Саблиной, обладательницы прекрасного голоса и ансамбля «Клезмершпиль», руководимого Юрием Жук. Интересно отметить, что в ансамбле играют и дети Юрия - Иосиф и Лев, а жена - Елена - танцует! Зрители восторженно аплодировали всем выступающим, и в этот вечер царил атмосфера радости и единения, которых так не хватает за стенами концертного зала. Хочется надеяться, что огонек, зажженный в сердцах зрителей на этом концерте, будет согревать их души, и они захотят поделиться им еще с кем-нибудь. Этот праздник состоялся благодаря поддержке Министерства культуры Республики Карелия, Центра национальных культур и народного творчества Карелии, Федеральной еврейской национально-культурной автономии.

Еврейская община поздравляет с Днем рождения

СТАРОКОНЬ ФЕНЮ РУВИМОВНУ

- активного члена общины, желает ей здоровья,
бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

ШИЦЕЛЬ Эстер Вульфовну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Наша кухня

Кнейдлах

2 яйца, 4 стл. растопленного куриного смальца, 1/3 ст. холодной воды, 1 ст. муки из мацы, 1 чл. соли.

Сбейте яйца вместе с жиром, солью и водой, добавьте муки и замесите крутое тесто. Оставьте тесто в холодном месте на час. Скатайте шарики и варите их в бульоне или в подсоленной воде около 30 минут. Кнейдлах, как и фарфеллах, используют в качестве добавки к супу или к бульону.

Еврейская община поздравляет с Девяностолетием

ШИЦЕЛЬ ЭСТЕР ВУЛЬФОВНУ

- активного члена общины, желает ей здоровья,
бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

**МНОГО КРОВИ ПРОЛИЛ ТЫ,
И ВОЙНЫ БОЛЬШИЕ ВЕЛ -
НЕ ТЕБЕ СТРОИТЬ ДОМ ИМЕНИ МОЕМУ**
Млахим I - 22:8

Кнейдлах воздушные

3 яйца, 1 чл. соли; 3/4 ст. муки из мацы.

Аккуратно отделите яичные желтки и белки. Желтки разотрите с солью, перемешайте с мукой и оставьте в холодном месте на час, добавьте сбитые в пену белки и замесите тесто. Скатайте из теста 18 шариков, отварите их в подсоленной воде.

Кнейдлах картофельные

2 яйца, 1,5 чл. соли, 2 стл. тертого лука, 1/3 ст. картофельного крахмала, 3 стл. муки из мацы (или муки), 4,5 ст. тертого и отжатого картофеля.

Сбейте яйца с солью и луком, добавьте крахмал, муку и картофель и замесите тесто. Скатайте небольшие шарики и отварите их в подсоленном кипятке (минут 20, пока не всплывут).

Приятного аппетита!